
ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

CIVIL LAW AND CIVIL PROCEDURE

УДК 347.9(476)

О КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ВОПРОСАХ ПРИМЕНЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

В. П. СКОБЕЛЕВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются концептуальные вопросы использования современных информационных технологий в цивилистическом процессе. В частности, автор исследует предпосылки внедрения данных технологий в судопроизводство, анализирует приемлемость терминов «электронное правосудие», «электронное судопроизводство», «электронный суд», классифицирует информационные технологии через призму процессуальных явлений (феноменов, категорий). Классификация информационных технологий осуществлена по разным критериям (в зависимости от категорий субъектов процесса, способа взаимодействия с процессуальной информацией, сегментов судопроизводства, сложности дела, стадии процесса, последствий нарушения и т. д.), при этом показана практическая значимость каждой из классификаций. На основе проведенного исследования сделано множество предложений по совершенствованию процессуального законодательства и практики его применения.

Ключевые слова: цивилистический процесс; информационно-коммуникационные технологии; электронное правосудие; электронное судопроизводство; электронный суд; интернет; видео-конференц-связь; судебные извещения; электронные доказательства; фиксирование хода процесса; основания к отмене судебных постановлений.

Образец цитирования:

Скобелев В.П. О концептуальных вопросах применения современных информационно-коммуникационных технологий в цивилистическом процессе. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2022; 1:55–72.

For citation:

Skobelev VP. On the conceptual issues of the application of modern information and communication technologies in the civil process. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2022;1:55–72. Russian.

Автор:

Владимир Петрович Скобелев – кандидат юридических наук, доцент; заместитель декана по заочному обучению юридического факультета, доцент кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета.

Author:

Vladimir P. Skobelev, PhD (law), docent; deputy dean for distance learning, faculty of law, and associate professor at the department of civil procedure and labour law, faculty of law.
s_v_p@tut.by

ON THE CONCEPTUAL ISSUES OF THE APPLICATION OF MODERN INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES IN THE CIVIL PROCESS

V. P. SKOBELEV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article deals with the conceptual issues of modern information technologies using in the civil process. In particular, the author explores the prerequisites for the introduction of these technologies in legal proceedings, analyses the acceptability of the terms «electronic litigation», «electronic justice», «electronic court», classifies information technologies through the prism of procedural phenomena (concepts, categories). The classification of information technologies is carried out according to different criteria (depending on the categories of subjects of the process, the method of interaction with procedural information, the segments of legal proceedings, the complexity of the case, the stage of the process, the consequences of the violation, etc.), while showing the practical significance of each of classifications. On this basis, the work made a lot of proposals for improving the procedural legislation and the practice of its application.

Keywords: civil process; information and communication technologies; electronic justice; electronic litigation; electronic court; Internet; videoconferencing; court notices; electronic evidence; fixing the progress of the process; grounds for annulment of judgments.

Введение

Стремительное развитие современных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) ставит на повестку дня вопрос о направлениях и способах их использования в самых различных сферах человеческой деятельности, в том числе и в цивилистическом процессе (т. е. гражданском и хозяйственном судопроизводстве). Внедрение ИКТ в цивилистический процесс, безусловно, должно сопровождаться теоретическим осмыслением соответствующих явлений. Но, как указывал В. А. Пономаренко, «доктринальное осмысление перспектив электронного правосудия очевидно запаздывает. Стало не слишком хорошей традицией критиковать введенные в действие законодательные инновации вместо того, чтобы своевременно их направлять, наполняя научно обоснованным содержанием. Показательным в этой связи представляется полное отсутствие фундаментальных монографических исследований тематики, связанной с информатизацией гражданского судопроизводства. Думается, это не в последнюю очередь обуславливает отставание России на пути к электронному правосудию в сравнении с иностранным опытом» [1, с. 8]. Приведенное мнение в полной мере актуально и для Республики

Беларусь, где глубоких научных исследований по обозначенной тематике тоже практически нет.

Полагаем, что концептуальной разработке вопросов информатизации правосудия в значительной мере может поспособствовать классификация ИКТ через призму именно процессуальных категорий (феноменов). Подобная классификация возможна по различным критериям, а ее результаты помогут лучше понять, какие ИКТ целесообразно использовать в судопроизводстве и в каких пределах, какими должны быть общие подходы к правовому регулированию соответствующих вопросов, каким образом следует регламентировать особенности применения отдельных видов ИКТ, какие гарантии необходимо обеспечивать участникам гражданских и экономических дел в ходе применения достижений научно-технического прогресса и т. д. Причем проведение указанной классификации невозможно без предварительного уяснения предпосылок (прежде всего правовых) использования ИКТ в отечественном судопроизводстве, а также критического анализа (на предмет приемлемости) терминов «электронное правосудие», «электронное судопроизводство» и «электронный суд».

Основная часть¹

1. Потребность внедрения в гражданское и хозяйственное судопроизводство ИКТ неоднократно подчеркивалась на уровне самых различных правовых актов программного характера, в частности в Концепции судебной-правовой реформы, одобрен-

ной постановлением Верховного Совета Республики Беларусь от 23 апреля 1992 г. № 1611-XII (см. разд. V, X), Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь, одобренной Указом Президента Республики Беларусь от 10 апреля 2002 г.

¹В настоящей работе цифрами с точкой обозначается нумерация имеющих отношение к теме исследования проблемных вопросов, которая (нумерация) отражает логические взаимосвязи между данными вопросами и соответствует избранной автором последовательности освещения их в статье.

№ 205 (см. подп. 49.2 п. 49), Директиве Президента Республики Беларусь от 27 декабря 2006 г. № 2 «О дебиюрократизации государственного аппарата и повышении качества обеспечения жизнедеятельности населения» (см. абзацы 5, 6 преамбулы, подп. 3.1 п. 3), Директиве Президента Республики Беларусь от 31 декабря 2010 г. № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь» (см. подп. 3.3 п. 3), Стратегии деятельности хозяйственных судов Республики Беларусь на 2011–2015 годы, утвержденной постановлением Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 4 марта 2011 г. № 1 (см. подп. 1.2–1.4 п. 1, подп. 2.1 п. 2, подп. 3.1 п. 3 разд. II «Приоритетные направления деятельности»).

Послание о перспективах развития системы судов общей юрисдикции Республики Беларусь, утвержденное Указом Президента Республики Беларусь от 10 октября 2011 г. № 454 (далее – Послание), также закрепило ряд положений относительно информатизации судебной сферы. Это такие положения, как разработка специального банка данных судебных решений, интегрированного в информационно-поисковую систему «ЭТАЛОН» (абзац 10 ч. 2 п. 1 Послания); обеспечение материально-технической базы и нормативного регулирования фиксации и хранения информации о ходе судебного процесса на электронных носителях, поэтапное внедрение в 2012–2013 гг. в деятельность судов по осуществлению правосудия средств аудио-, видеозаписи (абзац 8 ч. 2 п. 2 Послания); внедрение видео-конференц-связи между судами общей юрисдикции всех уровней (абзац 9 ч. 2 п. 2 Послания); расширение форм и методов извещения участников процесса о времени и месте рассмотрения дела (абзац 11 ч. 2 п. 2 Послания) и др. (см. абзац 14 ч. 2 п. 2, абзац 4 ч. 2 п. 5 Послания).

2. На потребность использования в ходе правосудия современных информационных технологий многократно указывалось и представителями юриспруденции, прежде всего теми из них, кто задействован в практической судебной деятельности. Так, в свое время председатель Брестского областного суда констатировала, что «бумажная система делопроизводства, действующая в большинстве судов, морально устарела и должна быть заменена электронным документооборотом (хотя бы в рамках учреждений юстиции), который позволит сократить издержки, повысит эффективность внутреннего контроля. Так, в двусоставном суде Жабинковского района при самой низкой в области нагрузке число исходящих документов составило более 13 тысяч, в суде Московского района г. Бреста – более 65,5 тысячи, а это – бумага, конверты, огромная нагрузка работников канцелярий» [2, с. 10].

Председатель Верховного Суда Республики Беларусь В. О. Сукало отмечал, что «в судах, к сожалению, лишь в незначительной степени используются те возможности, которые предоставляют новейшие информационные технологии. В то время как высокое качество отечественного правосудия невозможно без современной организации самого процесса правосудия, его технического, информационного, материального и финансового обеспечения» [3, с. 5]. Он также говорил, что нужно «постепенно переходить с бумажного на электронный документооборот, шире использовать банки данных наших коллег из правоохранительных и других органов», и это (в совокупности с иными мероприятиями) «не только будет способствовать более оперативной судебной защите, но и позволит принять дальнейшие меры к снижению среднемесячной нагрузки на судей, сконцентрировать усилия на разрешении сложных и неоднозначных многотомных дел» [4, с. 9]. Наконец, по мнению В. О. Сукало, «сегодня правосудие невозможно представить без широкого внедрения новых информационных технологий. Следует признать, что скорость внедрения электронного судопроизводства пока отстает от современных тенденций... Судам необходимо двигаться вперед, причем стремительно, в том же направлении, в каком движется Правительство, другие государственные органы, иначе мы безнадежно отстанем» [5, с. 9].

С позицией Председателя Верховного Суда Республики Беларусь полностью солидарен его заместитель А. А. Забара: «Мы не можем отказаться от достижений научного прогресса. Введение в судах электронного документооборота, создание электронного банка судебных решений, доступ судов к электронным базам данных других организаций, безусловно, позволяют гражданскому судопроизводству идти в ногу со временем, делают его современным, более мобильным и экономичным» [6, с. 7]. Аналогичную точку зрения высказывает и другой заместитель Председателя Верховного Суда Республики Беларусь Ж. Б. Шкурдюк: «Внедрение электронного судопроизводства – это, бесспорно, революционный шаг. Сегодня использование информационных технологий должно лечь в основу рациональной организации работы судебной системы и служить базой современного судебного процесса»².

3. Акцентирование внимания различными субъектами (нормотворческими органами, представителями науки, работниками правоприменительной сферы) на необходимости использования в судопроизводстве современных ИКТ вкупе с фактическим внедрением некоторых из них в практическую судебную деятельность (использование электронных носителей информации в качестве средств доказывания, извещение участников процессов с помощью средств мобильной связи и электронной почты,

²Роль суда в обществе не исчерпывается отправлением правосудия (интервью с заместителем Председателя Верховного Суда Республики Беларусь Ж. Б. Шкурдюк) // Суд. весн. 2020. № 2. С. 8.

проведение судебных заседаний посредством видео-конференц-связи и пр.) привели к выработке таких категорий, как «электронное правосудие», «электронное судопроизводство», «электронный суд». Данные термины активно используются в зарубежной, в частности российской, процессуальной науке [1; 7–10] и уже достаточно прочно вошли в терминологический обиход отечественных юристов³ [5, с. 9; 11; 12, с. 295, 296, 298; 13; 14; 15, с. 79].

Отдельные из указанных терминов получили в Республике Беларусь закрепление даже на уровне нормативных правовых актов. Так, словосочетание «электронное правосудие» можно встретить в постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 18 февраля 2011 г. № 216 «Об утверждении Программы деятельности Правительства Республики Беларусь на 2011–2015 годы», постановлении Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 7 августа 2009 г. № 11 «Об утверждении примерных нормативов материально-технического обеспечения хозяйственных судов Республики Беларусь», постановлении Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 4 марта 2011 г. № 1 «Об утверждении Стратегии деятельности хозяйственных судов Республики Беларусь на 2011–2015 годы». Упоминание про электронное судопроизводство присутствует в постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 23 февраля 2016 г. № 149 «О Государственной программе “Малое и среднее предпринимательство в Республике Беларусь” на 2016–2020 годы».

4. Вместе с тем, по нашему мнению, термины «электронное правосудие», «электронное судопроизводство», «электронный суд» являются не вполне удачными и приемлемыми. Сущность правосудия, соответственно, суть деятельности суда или суть судопроизводства, заключается в определении (установлении) материально-правового положения непосредственно заинтересованных в исходе дела лиц (собственно, это следует уже из буквального смысла самого слова «правосудие» – суждение о праве). Данная деятельность предполагает осуществление правовой квалификации произошедшего конфликта, выяснение его фактических обстоятельств и, наконец, констатацию правовых последствий установленных фактов.

Правовая квалификация – это поиск из огромного массива юридических норм именно тех, которые регулируют возникшую спорную ситуацию. Такой поиск требует принятия во внимание множества факторов (предмет регулирования, сфера действия норм во времени, пространстве и по кругу лиц), соотнесения нормативных правовых актов по

юридической силе, разрешения коллизий в правовом регулировании, преодоления неясностей в содержании юридических норм и пр. Для выяснения фактических обстоятельств требуется определение предмета доказывания, т. е. вычленение из регулирующих спорные отношения нормативных правовых актов именно тех юридических фактов, которые имеют значение для правильного разрешения данного конкретного дела. И это традиционно сложная для судов (не говоря уже о заинтересованных лицах) задача, решение которой, как свидетельствует правоприменительная практика, вызывает у судей наибольшее число ошибок.

Далее установление фактических обстоятельств сопряжено с необходимостью физического восприятия (исследования) различными способами, а затем оценки по внутреннему убеждению и на основе ряда критериев (их убедительности, достаточности, допустимости, законности вовлечения в дело и т. д.) самых разнообразных по характеру и способу получения доказательств. Определение правовых последствий произошедшего конфликта – тоже непростая задача, она требует учета особенностей каждого конкретного случая, тем более если гипотеза и (или) диспозиция юридической нормы имеют недостаточно конкретизированный характер и изначально рассчитаны на использование правоприменительного усмотрения.

Как видно, правосудие по своей сущности является очень сложной и в значительной мере интеллектуальной (мыслительной) деятельностью. Поэтому данную деятельность нельзя «уложить» в какие-то заранее заданные формальные алгоритмы, ее невозможно автоматизировать, заменить или подменить какими-либо информационными технологиями и программно-техническими средствами. Между тем выражения «электронное правосудие», «электронное судопроизводство», «электронный суд» создают обманчивое (ложное) представление об обратном. В связи с этим совершенно справедливым видится утверждение В. Л. Калинковича о том, что «внедрение технических новаций в судопроизводство не должно вытеснять сущность правосудия. Правосудие по своей сути – живая и органичная процедура, призванная определять дальнейшее направление не только финансовых потоков, но и человеческих судеб... Поэтому не машина, а судья – человек – есть и остается центральной фигурой, призванной в соответствии с законом осуществлять правосудие. Нельзя допустить его вытеснение или обезличивание информационными технологиями. Следует говорить об эффективном использовании современных технологий для нужд правосудия и не

³Внедрение технических новаций в судопроизводство не должно вытеснять суть правосудия (по материалам Международной конференции «Информационные технологии и право (Правовая информатизация – 2015)» // Суд. весн. 2015. № 3. С. 9, 11–12.

злоупотреблять тиражированием словосочетания «электронное правосудие»⁴.

В контексте сказанного любопытно обратить внимание на некоторые определения понятия «электронное правосудие» («электронное судопроизводство»), предлагаемые в литературе. Так, В. А. Пономаренко на протяжении всей своей монографии отстаивает точку зрения о том, что под электронным правосудием⁵ следует понимать такой судебно-юрисдикционный порядок рассмотрения гражданских дел, который всецело (включая совершение всех необходимых процессуальных действий) опосредуется электронной формой выражения (закрепления) процессуальной информации и взаимодействия участников гражданского судопроизводства [1, с. 11–12, 57, 70, 76–77, 152]. Как видим, понятие «электронное правосудие» охватывает у автора лишь внешние (формально-технические) стороны правосудия (форму выражения процессуальной информации⁶ и форму взаимодействия участников судопроизводства) и оставляет за рамками его содержательную (гораздо более сложную, объемную и важную) часть – интеллектуальную деятельность, которая предшествует объективации процессуальной информации вовне, т. е. является источником данной информации; интеллектуальную деятельность по обработке (оценке) полученной процессуальной информации⁷; интеллектуальную деятельность, которая направляет и сопровождает то или иное физическое (внешнее) взаимодействие субъектов процесса. Таким образом, в концепции электронного правосудия В. А. Пономаренко без «живого» судьи и «живых» участников процесса не обойтись, а электронная составляющая имеет отношение лишь к отдельным аспектам правосудия.

Аналогичный подход можно встретить и у С. В. Васильковой, которая пишет, что «электронное правосудие в цивилистическом процессе – установленная законом процессуальная деятельность по отправлению правосудия по подведомственным ему делам, при которой дистанционное (удаленное) общение с участниками цивилистического процесса и без-

документарная форма передачи данных (сведений, документов и др.) производятся с использованием информационных технологий (сети Интернет, других средств телекоммуникационной связи), являющихся альтернативным или субсидиарным средством общения (извещения, слушания) по отношению к существующей документарной форме передачи данных»⁸. Автор (и, думается, совершенно оправданно) связывает электронное правосудие только с двумя элементами судопроизводства, причем имеющими отношение исключительно к его внешней форме: возможностью дистанционных коммуникаций субъектов процесса и возможностью передачи данных в бездокументарном виде.

Наоборот, диссонирующей в этом плане выглядит точка зрения И. Ю. Кирвель. Она полагает, что «на современном этапе под электронным правосудием следует понимать государственную деятельность, осуществляемую судом по рассмотрению и разрешению гражданских и уголовных дел, с использованием информационных коммуникационных технологий в процессуальной форме (процессуально-электронной форме)», поясняя при этом, что процессуально-электронная форма означает «определенный порядок рассмотрения и разрешения дел судом, в рамках которого процессуальные действия совершаются в электронном виде» [14, с. 339], т. е. автор считает, что абсолютно любые действия в ходе судопроизводства могут быть совершены в электронном виде. Однако такая позиция является заблуждением: посредством ИКТ могут быть совершены далеко не все действия, связанные с рассмотрением дела, и уже тем более в электронной форме не может быть осуществлено разрешение гражданского (так же, как и уголовного) дела.

Изложенное выше позволяет сделать вывод, что круг проблем (вопросов), которые традиционно принято обозначать терминами «электронное правосудие», «электронное судопроизводство» и «электронный суд», очевидно, связан не с тем, чтобы подменить судью и его деятельность по осуществлению правосудия, равно как и деятельность

⁴Внедрение технических новаций в судопроизводство... С. 9.

⁵Термин «электронное правосудие» автор считает не вполне приемлемым, однако принципиального значения это не имеет, так как причины такой неприемлемости В. А. Пономаренко усматривает в иных факторах, нежели мы, и в итоге предлагает данный термин заменить синонимичным выражением «электронное гражданское судопроизводство» [1, с. 7, 50, 56–69, 152].

⁶По мнению ученого, процессуальная информация служит организационно-судопроизводственным целям (состоит из сведений относительно ходатайств, отводов, даты и времени судебного заседания и пр.) и является частью более широкого понятия «судебно-правоприменительная информация». Последнее обозначает весь объем информации, воспринимаемой и обрабатываемой (анализируемой, оцениваемой) судом и иными субъектами гражданского процесса, и, помимо процессуальной информации, включает в себя также фактический материал дела, нормативный материал дела, мотивы решения (см.: [1, с. 37–42, 153]). Получается, что даже не все внешние проявления судопроизводства, которые потенциально могут иметь электронную форму, подпадают у автора под понятие «электронное правосудие», в частности, есть все основания полагать, что вопросы использования в судопроизводстве так называемых электронных доказательств к феномену электронного правосудия ученым не относятся.

⁷Автор даже сам подчеркивает, что «обработка судебно-правоприменительной информации всегда представляет собой субъективный процесс, не имеющий внешнего выражения» [1, с. 43].

⁸Василькова С. В. Электронное правосудие в цивилистическом процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15. Саратов, 2018. С. 9.

участников судопроизводства, какими-то информационными технологиями, а с тем, чтобы с помощью данных технологий оказать суду и участникам процесса определенное содействие в разбирательстве гражданских и экономических дел. Соответственно, термины «электронное правосудие», «электронное судопроизводство», «электронный суд» не могут пониматься в буквальном смысле, эти термины имеют образный (условный, переносный) характер⁹ и отражают факт применения в правосудии современных ИКТ для решения (облегчения решения) лишь отдельных, преимущественно обеспечительных, вспомогательных задач. Эффективность использования в судопроизводстве ИКТ напрямую зависит от теоретической проработки соответствующих вопросов. В значительной мере поспособствовать этому может классификация ИКТ через призму процессуальных явлений (феноменов, категорий).

5. В контексте процессуальных явлений (феноменов, категорий) ИКТ могут быть классифицированы по разным критериям. Так, в зависимости от категорий (видов) субъектов, взаимодействие которых опосредовано ИКТ, последние возможно разделить на используемые в коммуникациях между следующими категориями субъектов:

- судом и участниками судопроизводства;
- судом и не участвующими в судопроизводстве лицами;
- судом и лицами, которые как участвуют, так и не участвуют в судопроизводстве;
- судами и их должностными лицами.

Очевидно, что правоотношения между судом и участниками судопроизводства являются главным видом взаимодействия в сфере правосудия, поэтому применение ИКТ в данных взаимоотношениях необходимо обеспечивать повышенными гарантиями, а именно: использование ИКТ должно санкционироваться на уровне законодательных актов (прежде всего Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК) и Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК)), иметь достаточную (беспроблемную) правовую регламентацию и допускаться как общее правило лишь с согласия (или с учетом мнения) участников процесса.

Данные требования касаются прежде всего взаимодействия суда с непосредственно заинтересованными в исходе дела лицами, поскольку результаты процесса оказывают прямое влияние на матери-

ально-правовое положение последних (в решении суда находит отражение материально-правовое положение данных лиц). Вместе с тем есть основания обеспечивать подобные гарантии и для некоторых из тех лиц, которые не имеют непосредственной заинтересованности в исходе дела, в частности для свидетелей, переводчиков, экспертов, специалистов, потому что, во-первых, эти субъекты оказывают суду значительную помощь в осуществлении правосудия (нередко без их содействия установление по делу истины невозможно), во-вторых, несут (за исключением специалистов) уголовную ответственность за уклонение от исполнения своих обязанностей или ненадлежащее их осуществление.

Напротив, применение ИКТ во взаимодействии между судами и их должностными лицами (в частности, для целей ведения делопроизводства, судебного администрирования и т. п.) вполне допустимо на основе подзаконных нормативных правовых актов (или вообще в отсутствие правового регулирования) и без получения одобрения со стороны участников процесса. Так, нет никаких причин для получения от участников судопроизводства согласия на использование в суде автоматизированной информационной системы, позволяющей отслеживать график движения дела (возбуждения по нему производства, осуществления подготовки, назначения к рассмотрению в судебном заседании и т. д.). Причем такая система вполне может применяться в условиях отсутствия на данный счет каких-либо предписаний в законодательстве. Как показывает практика, подобные автоматизированные компьютерные системы начали применяться (на отмеченных нами условиях, т. е. в отсутствие на этот счет правового регулирования и без получения согласия от участников процессов) в судах уже достаточно давно [16, с. 8].

Что же касается остальных упомянутых выше направлений взаимодействия, то применение в них ИКТ может иметь свою специфику. Так, если в рамках взаимодействия *суд – не участвующие в судопроизводстве лица* речь идет о получении судом посредством ИКТ от различных государственных органов (организаций) информации, необходимой для решения сугубо организационно-процессуальных вопросов, то особых правовых гарантий, на наш взгляд, для этого не требуется. Например, это вопросы, касающиеся подведомственности (по трудовым делам уточнение на предприятии, создана ли там комиссия по трудовым спорам), подсудности (полу-

⁹Примечательно, что В. А. Пономаренко, обращаясь к анализу термина «электронное государство», непосредственно говорит, что здесь «слово “электронное” условно обозначает новые информационно-коммуникативные каналы связи государственных органов и граждан» [1, с. 23]. Без сомнения, в том же условном смысле необходимо понимать и выражение «электронное правосудие». Заметим, что это не единственный случай, когда используемая в сфере правосудия терминология имеет условное (образное) значение и в силу своего буквального смысла не в состоянии точно отразить суть обозначаемых ею явлений. Ярким тому примером может служить применяемое на протяжении уже нескольких столетий в русскоязычных законодательстве и науке выражение «законная сила решения суда», которое явилось (и продолжает оставаться) причиной немалого числа теоретических путаниц, заблуждений и споров. Более подробно об этом см.: Скобелев В. П. Законная сила постановлений суда первой инстанции в гражданском процессе. Минск : БГУ, 2018. С. 127–150.

чение у органа внутренних дел информации о месте регистрации или нахождения ответчика), уплаты государственной пошлины (получение из системы ЕРИП данных о произведенном платеже), полномочий представителя (получение из нотариата информации об отмене нотариально удостоверенной доверенности) и пр.

Вместе с тем иное положение дел складывается, когда посредством ИКТ суд стремится получить от не участвующих в судопроизводстве лиц ту информацию, которая подтверждает (опровергает) заявленные по делу материально-правовые требования. Как правило, речь идет о сведениях из различных государственных информационных ресурсов и банков данных тех или иных государственных органов (организаций). Так, по делам, связанным с предпринимательской деятельностью, указанными сведениями выступает информация о государственной регистрации субъектов хозяйствования, их форме собственности, составе учредителей (участников) и прочая; по делам, касающимся недвижимого имущества, в том числе земельных участков, информация о государственной регистрации такого имущества, его характеристиках, собственниках, обременениях; по трудовым спорам – информация о нанимателе, о нахождении работника в социальных отпусках, его временной нетрудоспособности, размере заработной платы. Подобная деятельность есть не что иное, как собирание доказательств, поэтому процессуальный закон должен прямо отвечать на вопрос, вправе суд совершать данные действия по собственной инициативе или может делать это только на основании ходатайств юридически заинтересованных в исходе дела лиц. Заметим, что в настоящее время эти вопросы фактически оставлены без регулирования и в силу сложившейся практики суды по собственной инициативе (даже не уведомляя об этом участников процесса) получают сведения из соответствующих информационных ресурсов и банков данных. Более того, подобная деятельность в силу простоты ее осуществления (достаточно нажатия всего лишь нескольких кнопок на клавиатуре компьютера) даже не рассматривается представителями судейского корпуса как собирание доказательств.

Взаимодействие суд – лица, как участвующие, так и не участвующие в судопроизводстве обычно связано с обнародованием (преданием гласности) той или иной информации о судебном процессе. Соответственно, применение в ходе такой деятельности ИКТ требует учета интересов как публики, т. е. посторонних процессу лиц (их интерес в силу разных причин – потребность правового воспитания, правового просвещения и так далее – состо-

ит в получении как можно большей информации о правосудии), так и участников судопроизводства (судебные процессы рассматриваются ими как элементы частной жизни лица, которые по вполне понятным причинам никто не желает выносить на всеобщее обозрение). Так, интересы публики могли бы удовлетворяться через формирование автоматизированных информационных банков судебных решений (в том числе с доступом к ним через интернет), более широкое освещение судебных процессов в интернете. Интересы же участников судопроизводства могут обеспечиваться, например, при размещении в интернете, в информационно-справочных автоматизированных системах текстов судебных постановлений, путем обезличивания, изъятия (или шифрования) из них данных, которые позволяют идентифицировать участвовавших в деле физических и юридических лиц (полагаем, что это требование касается и тех участников процесса, которые не имеют заинтересованности в исходе дела или чья заинтересованность носит только государственный, общественный и тому подобный характер, поскольку данные субъекты тоже могут иметь весомые мотивы к деперсонализации своей личности)¹⁰. Что же касается прямой трансляции хода судебного заседания в радио- или телеэфире, то подобные действия, по нашему убеждению, могут допускаться только с прямого согласия всех юридически заинтересованных в исходе дела лиц, одного только учета мнения участников процесса, как об этом написано в ч. 4 ст. 271 ГПК, ч. 6 ст. 176 ХПК, здесь недостаточно.

6. По объему (глубине) отражения в нормативных правовых актах вопросов использования в судопроизводстве ИКТ соответствующие технологии могут быть классифицированы следующим образом:

- ИКТ, требующие подробной правовой регламентации;
- ИКТ, регулирование которых может быть осуществлено только в самых общих чертах;
- ИКТ, регламентация которых не требуется.

Как уже отмечалось выше, в отсутствие правового регулирования ИКТ вполне могут применяться во взаимодействии между судами и их должностными лицами (при ведении делопроизводства, в ходе судебного администрирования и пр.). В настоящее время ч. 2 подп. 1.1 п. 1 Инструкции по делопроизводству в судах общей юрисдикции Республики Беларусь, утвержденной приказом Верховного Суда Республики Беларусь от 3 ноября 2021 г. № 84, прямо предусматривает, что делопроизводство в судах организуется с использованием автоматизированной информационной системы судов общей юрисдикции Республики Беларусь (далее – АИС СОЮ). Закрепление данного положения можно только

¹⁰По всей видимости, в тексте обнародованного судебного постановления должны оставаться оригинальными (неизменными) только фамилии, имена, отчества судей, участвовавших в рассмотрении дела, по причине публичности осуществляемой ими функции. Хотя здесь не исключены и иные подходы к решению вопроса.

приветствовать, однако стоит сказать, что само по себе такое закрепление не является безусловно необходимым условием для применения АИС СОЮ в практической деятельности судов, к тому же стоит напомнить, что с формальной точки зрения названная инструкция к числу нормативных правовых актов не относится¹¹.

Без правовой регламентации ИКТ могут использоваться судами и в целях получения информации, необходимой для решений сугубо организационно-процессуальных вопросов. Получение судом по собственной инициативе из государственных информационных ресурсов или банков данных тех сведений, которые подтверждают (опровергают) заявленные по делу материально-правовые требования, на что мы уже обращали внимание выше, требует санкционирования на уровне закона, однако сам процесс (алгоритм) обмена информацией между судом и соответствующим государственным органом (организацией) – владельцем информационного ресурса или банка данных в законодательном регулировании не нуждается. В этом плане весьма показательно, что процессы (алгоритмы) обмена такой информацией (равно как и информацией иного характера) опосредуются преимущественно соглашениями (гражданско-правовыми договорами) судов с соответствующими государственными органами (организациями)¹² [17, с. 11].

В общих чертах могут быть регламентированы технологии, уже прочно вошедшие в социальный обиход и понимание, применение которых ни у кого не способно вызвать затруднений. Так, на наш взгляд, в процессуальном законодательстве не требуют разъяснения такие ставшие уже общеизвестными понятия, как «интернет», «сайт в интернете», «социальная сеть в интернете». Данные термины могут быть употреблены в процессуальном законодательстве без каких-либо дополнительных пояснений и дефиниций. В то же время фраза процессуального закона о том, что «в необходимых случаях участники гражданского судопроизводства могут быть извещены или вызваны... с использованием... глобальной компьютерной сети Интернет, в том числе электронной почты» (ч. 2 ст. 143 ГПК), или что «суд, рассматривающий экономические дела, вправе известить участников хозяйственного процесса посредством... глобальной компьютерной сети Интернет, в том числе электронной почты» (ч. 2 ст. 140 ХПК), является очень абстрактной и требует конкретизации. Так, остается неясным, каким еще образом, помимо электронной почты, может быть использован интернет для целей извещения

(вызова) участников правосудия. Ведь интернет служит основной для функционирования самых разнообразных ИКТ и информационных решений, отдельные из которых, очевидно, могут быть неприемлемы для судопроизводства.

Казалось бы, не требует разъяснений и ставший для всех привычным термин «СМС-сообщение» (см. ч. 2 ст. 143 ГПК). Однако конкретизация здесь все-таки требуется, во-первых, чтобы провести четкую грань между сообщениями, отправляемыми с помощью соответствующего сервиса средств мобильной связи, и сообщениями, передаваемыми через социальные сети (*Вконтакте*, *Facebook* и т. п.) и социальные мессенджеры (*Viber* и т. д.); во-вторых, чтобы дать прямой ответ на вопрос о допустимости использования сотрудниками суда собственных мобильных телефонов для отправки участникам судопроизводства СМС-сообщений; в-третьих, чтобы легализовать возможность применения для рассылки СМС-сообщений специальных интернет-платформ (в настоящее время такие платформы активно используются судами, но реализованные в этих платформах технологии таковы, что позволяют отправлять информацию лишь в одном направлении, т. е. адресат сообщения не имеет возможности связаться с отправителем сообщения).

Еще одним примером не вполне удачного регулирования современных ИКТ в судопроизводстве может служить правило ч. 1 п. 15 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 31 марта 2021 г. № 1 «О практике применения судами норм Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь, регулирующих производство дел в апелляционном порядке» (далее – постановление от 31 марта 2021 г. № 1), где разъяснено, что участники гражданского судопроизводства «могут участвовать в заседании суда апелляционной инстанции путем использования систем видео-конференц-связи в порядке, установленном статьей 419 ГПК, если явка конкретного участника невозможна по объективным причинам. В исключительных случаях при наличии технической возможности и зафиксированного согласия юридически заинтересованных в исходе дела лиц в открытом судебном заседании также могут использоваться и другие незапрещенные программные и аппаратные средства видеосвязи, позволяющие дистанционно участвовать в судопроизводстве». Помимо того, что данное правило отличается значительной неконкретностью (так как неясно, что значит «исключительные случаи», «наличие технической возможности», «другие незапрещенные программные

¹¹Скобелев В. П. О подзаконных источниках регулирования гражданского и хозяйственного судопроизводства // Юстиция Беларуси. 2019. № 12. С. 32.

¹²Судебная реформа в действии // Суд. весн. 2014. № 3. С. 8 ; Работу судов – на принципиально новый организационный, качественный и технический уровень (интервью с первым заместителем Председателя Верховного Суда Республики Беларусь В. Л. Калинковичем) // Суд. весн. 2019. № 4. С. 6.

и аппаратные средства видеосвязи» и т. д.), оно закреплено на уровне подзаконного нормативного правового акта, к тому же призванного лишь разъяснять, а не изменять (дополнять) положения ГПК. Но ГПК для дистанционного участия в судопроизводстве не допускает использования никаких других ИКТ, помимо систем видео-конференц-связи.

Собственно, неполнотой регулирования страдает порядок применения и самой видео-конференц-связи. Дело в том, что, вводя в ГПК нормы о видео-конференц-связи, законодатель в то же время не раскрыл понятие «видео-конференц-связь». По этой причине существует неопределенность в вопросе о том, осуществляется видео-конференц-связь через интернет, в том числе программу *Skype* (иные подобные программы), а значит может состояться с лицом, находящимся у себя дома или в любом ином месте, помимо помещения суда, или же она организуется исключительно посредством программно-технических средств и специальных каналов связи судов общей юрисдикции, т. е. может проводиться только в помещениях судов¹³.

7. В зависимости от способа взаимодействия с процессуальной информацией ИКТ можно подразделить на предназначенные для осуществления с ней следующих действий:

- фиксации (т. е. распознавания и перевода в электронную форму) информации;
- передачи информации;
- воспроизведения информации;
- хранения информации.

Вид (виды) применяемой ИКТ обусловлен характером стоящей перед судом и (или) участниками судопроизводства задачи. Так, если речь идет о фиксации хода судебного заседания или отдельного процессуального действия, то на первый план выступают ИКТ, обеспечивающие правильное распознавание и перевод в электронную форму соответствующей информации. Закрепление возможности обращения в суды в электронной форме требует использования для решения этого вопроса ИКТ, позволяющих прежде всего фиксировать и передавать информацию. Организация судебного заседания в дистанционном формате предполагает применение ИКТ, посредством которых осуществляется фиксирование, передача и воспроизведение информации в режиме реального времени.

Нужно иметь в виду, что в современных технических устройствах, как правило, реализованы ИКТ, обеспечивающие одновременно несколько способов взаимодействия с информацией. Например, мобильный телефон позволяет фиксировать, передавать, воспроизводить и хранить информацию.

Поэтому, регламентируя применение в судопроизводстве ИКТ, законодатель в той или иной степени должен идентифицировать и соответствующее техническое устройство (программно-техническое средство). Так, мы сомневаемся в том, что осуществлять звуко-, видеозапись судебного заседания или проводить судебное заседание дистанционно суд вправе с помощью мобильного телефона (принадлежащего судье, судебному секретарю или участнику судопроизводства). Между тем действующее процессуальное законодательство этого фактически не исключает (так как не конкретизирует технические устройства и (или) технологии, посредством которых названные действия могут совершаться). Более того, в ч. 1 п. 15 постановления от 31 марта 2021 г. № 1 Пленум Верховного Суда Республики Беларусь дал разъяснение именно в таком духе.

Существует и другая закономерность – один и тот же способ «работы» (взаимодействия) с информацией могут обеспечивать разные виды ИКТ. Отсюда, на наш взгляд, следует, что для определенного способа «работы» с той или иной процессуальной информацией законодатель должен предусматривать строго конкретную, одну-единственную ИКТ (техническое устройство, программно-техническое средство), если же законодатель допускает использование для работы с процессуальной информацией нескольких альтернативных видов ИКТ (технических устройств, программно-технических средств), то в законе тогда должны быть четко прописаны критерии выбора. Данное условие, к сожалению, далеко не всегда соблюдается. Например, ст. 113 ГПК, ст. 189 ХПК предусматривают использование для фиксации хода судебного заседания или отдельного процессуального действия «средств звуко- или видеозаписи», однако критерии избрания соответствующего технического устройства – средства звукозаписи или средства видеозаписи – в процессуальном законе не закреплены¹⁴. Помимо того, что такое положение вещей уже само по себе создает крайне нежелательную для сферы правосудия ситуацию правовой неопределенности, оно может быть чревато и негативными последствиями практического плана. Ведь два названных способа фиксации процессуальной информации отличаются друг от друга и не вполне равнозначны. Так, видеозапись позволяет отразить значительно больший объем информации о судебном заседании (отдельном процессуальном действии), а значит служит важной гарантией против процессуальных злоупотреблений. Но, с другой стороны, видеозаписи сопутствуют и определенные риски: для ее осуществления требуется более сложная техника (значит,

¹³Скобелев В. Видео-конференц-связь в гражданском процессе: о проблемах и перспективах использования // Юстиция Беларуси. 2016. № 9. С. 48.

¹⁴См.: Он же. Что меняется в ГПК? // Юрид. мир. 2020. № 9. С. 17 ; Он же. Что меняется в ХПК? // Юрид. мир. 2020. № 11. С. 22.

достаточно высока вероятность ее выхода из строя), а результат видеозаписи представлен очень большим массивом цифровой информации (следовательно, не исключен риск того, что информация не поместится на соответствующий носитель или будет с него преждевременно удалена).

Другой пример. Согласно ч. 2 ст. 143 ГПК участники гражданского судопроизводства могут быть извещены или вызваны «СМС-сообщением, с использованием факсимильной связи, глобальной компьютерной сети Интернет, в том числе электронной почты, а также иных средств связи, обеспечивающих фиксирование извещения или вызова», причем основание для применения названных средств коммуникаций сформулировано законодателем следующим образом: «...в необходимых случаях». Что нужно понимать под необходимыми случаями, а также каким образом должен происходить выбор конкретного вида связи для извещения (вызова), остается неясным. Между тем использование перечисленных средств коммуникаций таит в себе значительную опасность, поскольку в силу вполне очевидных причин почти всегда сопряжено с риском или недоставки сообщения адресату, или непрочтения (необнаружения) его адресатом. Еще большей неопределенностью в этом вопросе страдает ч. 2 ст. 140 ХПК, которая применение интернета, в том числе электронной почты, а также иных средств связи определяет в качестве общего и, по сути, ничем не ограниченного полномочия суда.

По мере развития направлений и форм использования ИКТ в деятельности судов и, соответственно, увеличения объема процессуальной информации, представленной в электронном виде, все большую актуальность и значимость будет приобретать такой способ «работы» с данными, как их хранение. Это вопрос, в котором техническая составляющая тесно переплетена с правовой. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 175 ГПК, ч. 2 ст. 189-2 ХПК электронный носитель информации, содержащий копию звуко- или видеозаписи судебного заседания (отдельного процессуального действия), приобщается к делу и является неотъемлемой частью краткого протокола. По сложившейся в судах практике таким электронным носителем информации выступает CD- или DVD-диск, который помещается в конверт и подшивается вместе с кратким протоколом к делу [18, с. 22]. С таким подходом сложно согласиться по ряду причин.

Во-первых, CD-, DVD-диск – это скорее не электронный, а оптический носитель информации (электронным носителем здесь могла бы выступить флеш-карта, но подобные носители ввиду их дороговизны и неудобства хранения в деле для названных целей в судах не используются). Во-вторых, CD-, DVD-диск достаточно хрупкий и не очень надежный носитель данных, любое, даже незначительное, повреждение его поверхности способно привести к не-

возможности воспроизведения части или даже всей записанной на нем информации. В-третьих, указанные диски рассчитаны на хранение относительно небольших объемов данных, что может явиться значительным недостатком, если речь идет о хранении видеозаписи хода судебного заседания (безусловно, в таких случаях выходом могло бы явиться использование нескольких дисков с разбивкой видеозаписи на части, но тогда добавляются неудобства, связанные с хранением множества дисков в деле, повышается вероятность физического повреждения или потери некоторых из них). В-четвертых, сама идея сосредоточения именно в деле всех электронных носителей информации (без создания резервных источников хранения процессуальных данных на постоянной основе) представляется более чем сомнительной, так как утрата этих носителей информации (а причиной тому могут быть разные факторы субъективного или (и) объективного плана) приведет к невозможности осуществления вышестоящими инстанциями контроля за правильностью действий суда и участников судопроизводства. Характерно, что в судебной практике уже имели место случаи, когда диск с аудиозаписью судебного заседания суда апелляционной инстанции в материалах дела отсутствовал, а сама аудиозапись в областном суде не сохранилась [19, с. 23].

В свете сказанного полагаем, что вся представленная в электронном виде информация, касающаяся гражданского или экономического дела (мы имеем в виду не только звуко- или видеозапись судебного процесса, но и иные электронные данные – извещения (вызовы) в электронном формате, электронные доказательства, заявления и ходатайства, сделанные заинтересованными лицами в электронной форме, и т. п.), должна храниться не в материалах дела, а отдельно и централизованно, например на специальном сервере суда. С одной стороны, для этого не потребуются расширения площадей суда и каких-то сверхусилий его сотрудников (хотя определенные материальные затраты для приобретения соответствующего оборудования, если его еще нет в суде, безусловно, понадобятся), с другой стороны, это позволит обеспечить надежное хранение электронной процессуальной информации в течение сколь угодно продолжительного времени (для сравнения, в настоящее время CD- или DVD-диски, содержащие звуко- или видеозапись хода судебного заседания, уничтожаются по истечении срока хранения дела). При этом обеспечивать целостность и неизменность хранимой информации, помимо чисто технических средств, целесообразно еще и правовыми мерами – путем закрепления на законодательном уровне правила о том, что отсутствие или утрата указанной информации выступают безусловным основанием для отмены вынесенного по делу судебного постановления.

8. Программно-технические особенности (специфика интерфейса, примененных технических решений и т. д.) позволяют классифицировать ИКТ на следующие виды:

- сайт в интернете;
- социальная сеть в интернете;
- электронная почта;
- мобильная связь;
- СМС-сообщение;
- программы, обеспечивающие коммуникации в формате онлайн видеосвязи через интернет;
- программно-технические средства, обеспечивающие фиксирование и воспроизведение звуко-, видеозаписи;
- социальный мессенджер и пр.

Практическое значение такой классификации заключается в следующем. Во-первых, учет всех особенностей (в том числе преимуществ и недостатков) каждой ИКТ позволяет отобрать наиболее оптимальную технологию для решений той или иной процессуальной задачи. Так, сервисы электронной почты вполне могут быть пригодны для направления в суд исковых материалов в электронной форме, для извещения участников судопроизводства о судебных заседаниях, сайт в интернете – для размещения графика судебных заседаний, обнародования какой-то информации о процессе (пресс-релизов или текстов судебных постановлений) и т. д. Во-вторых, классификация поможет точно отразить наименование и характерные особенности определенной ИКТ в текстах нормативных правовых актов по вопросам гражданского судопроизводства.

9. В зависимости от того, имеют ли участники судопроизводства возможность оказывать влияние на использование ИКТ, последние допустимо классифицировать на применяемые в следующем порядке:

- только с согласия участников судопроизводства;
- с учетом мнения участников судопроизводства;
- без принятия во внимание в какой-либо форме позиции участников судопроизводства.

Использование ИКТ без принятия во внимание позиции участников судопроизводства имеет место тогда, когда законодательство в императивной форме предписывает применять определенную ИКТ (права выбора применять либо не применять нет даже у суда) или когда решение вопроса о применении ИКТ зависит исключительно от усмотрения суда (законодатель предоставляет право выбора только суду или суд использует ИКТ исключительно по собственной инициативе в отсутствие на этот счет каких-либо предписаний законодательства). Полагаем, что в таком порядке ИКТ могут применяться только в том случае, если это не отразится негативным образом на положении участников судопроиз-

водства, в том числе если это будет способствовать усилению их процессуальных гарантий. Например, сугубо по инициативе суда ИКТ могут применяться для целей ведения делопроизводства, поскольку тем самым повышается эффективность организационной составляющей правосудия, а значит в какой-то мере усиливаются (или, по крайней мере, не снижаются) гарантии правильного разрешения дел. Напротив, законодатель не должен предусматривать только электронную форму обращения в суд для той или иной стадии процесса, так как это чревато нарушением права на судебную защиту: далеко не все граждане страны являются пользователями интернета, а из числа пользователей не все в совершенстве владеют соответствующими технологиями.

Согласие участников судопроизводства требуется тогда, когда применение ИКТ сопряжено с риском нарушения их прав или охраняемых законом интересов. Общеизвестно, что использование современных электронных средств коммуникаций (электронной почты, СМС-сообщений, социальных мессенджеров и пр.) связано с определенным риском недоставки или искажения передаваемой информации. Поэтому использование данных средств коммуникаций для целей передачи информации в суд (например, исковых заявлений, ходатайств от заинтересованных лиц) или из суда (в частности, извещений, вызовов в адрес участников процесса) допустимо только с согласия участника судопроизводства, т. е. когда последний осознанно принимает на себя и под свою ответственность все риски, связанные с применением ИКТ. В первой ситуации (когда речь идет о передаче информации в суд) данное условие может быть соблюдено через закрепление в процессуальном законе для заинтересованных лиц альтернативы (по их выбору) – обратиться в суд в традиционной форме (путем представления документов в письменном виде) или посредством ИКТ. Во второй ситуации (направление извещений, вызовов в электронной форме) согласие участника судопроизводства может быть получено в результате непосредственного (живого) общения с ним сотрудника суда, причем это согласие крайне желательно зафиксировать (например, путем составления и приобщения к материалам дела письменного соглашения об электронном обмене данными между судом и участником судопроизводства). В связи с этим считаем в корне неверной практику отечественных судов, которые используют ИКТ (электронную почту, СМС-сообщения и пр.) для целей извещения, вызова участников судопроизводства в одностороннем порядке на том только основании, что суду известны контактные данные лица (номер мобильного телефона, адрес электронной почты и т. д.)¹⁵.

¹⁵ Скобелев В. П. Современные информационные технологии и способы извещения (вызова) участников гражданского процесса // Проблемы гражд. права и процесса : сб. науч. ст. / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: И. Э. Мартыненко (гл. ред.) [и др.]. Гродно : ГрГУ им. Я. Купалы, 2019. Вып. 4. С. 235–241.

Такая форма принятия во внимание позиции участника судопроизводства, как учет мнения, целесообразна тогда, когда применение ИКТ не способно нанести какого-либо (или хотя бы заведомо очевидного и существенного) вреда правам (интересам) участника судопроизводства, однако у последнего имеется существенная заинтересованность в том, чтобы оказывать влияние на решение вопроса о применении (неприменении) ИКТ или о выборе конкретной ИКТ из нескольких альтернативных. Например, ч. 5 ст. 176 ХПК позволяет абсолютно любым лицам, присутствующим в зале судебного заседания (т. е. и публично), вести звукозапись хода судебного разбирательства. Аналогичная идея заложена и в норме ч. 4 ст. 271 ГПК (по крайней мере, Пленум Верховного Суда Республики Беларусь дал этой норме именно такое толкование в ч. 1 п. 5 постановления от 20 декабря 2013 г. № 11 «Об обеспечении гласности при осуществлении правосудия и о распространении информации о деятельности судов»). Однако, по нашему мнению, позволять публично (т. е. совершенно посторонним процессу лицам) вести звукозапись хода судебного заседания стоит позволять только с учетом мнения (а быть может – даже и с согласия) юридически заинтересованных в исходе дела лиц.

Далее, правила ч. 6 ст. 176 ХПК, ч. 4 ст. 271 ГПК позволяют вести кино-, фотосъемку, прямую радио-, телетрансляцию судебного заседания с разрешения суда и лишь с учетом мнения заинтересованных в исходе дела лиц. Но, как было отмечено нами выше, одного учета мнения названных лиц здесь недостаточно, перечисленные действия способны привести к нарушению интересов участников процесса (их интересы – сохранить в тайне обстоятельства собственной частной жизни), а потому должны допускаться только с согласия (разрешения) заинтересованных лиц. В ст. 113 ГПК, ст. 189 ХПК предусмотрены два альтернативных способа фиксации хода судебного заседания (отдельного процессуального действия) – средствами звукозаписи и средствами видеозаписи, – между тем критерии выбора конкретного способа фиксации не определены. Фактически решение этого вопроса отдано всецело на усмотрение судьи. Нам же представляется, что критерием решения вопроса должно являться мнение юридически заинтересованных в исходе дела лиц – фиксирование хода процесса необходимо осуществлять тем способом, на котором настаивают все или большинство из названных лиц (конечно, при условии наличия в суде технической возможности применения соответствующих средств записи).

10. Исходя из магистральных направлений применения ИКТ в судопроизводстве их можно подразделить на следующие группы:

- ИКТ, опосредующие коммуникации субъектов процесса между собой, а также с третьими лицами;

- ИКТ, реализованные в доказательствах, с помощью которых устанавливаются фактические обстоятельства дела.

Второе направление применения ИКТ имеет значительную специфику в том смысле, что требует регламентации целого комплекса вопросов, касающихся так называемых электронных доказательств: существенных признаков данных доказательств; вопросов их допустимости; порядка собирания, представления, исследования, проверки, оценки; хранения по окончании разбирательства дела. В частности, одна из значительных проблем связана с допустимостью названных доказательств. Так, ч. 3 ст. 229 ГПК, ч. 3 ст. 90 ХПК не позволяют использовать в качестве доказательств звуко-, видеозаписи, полученные скрытым путем, за исключением случаев, когда скрытая запись допускается законом. Вместе с тем, что нужно понимать под скрытым путем получения звуко-, видеозаписи, процессуальный закон не разъясняет, хотя с учетом широчайшей распространенности в современной жизни различных записывающих (фиксирующих) технических устройств вопрос представляется более чем актуальным.

11. Конкретная сфера (сегмент) судопроизводства, в которой применяются ИКТ, позволяет разделить их на используемые в следующих сферах:

- при обращении заинтересованных лиц в суды с заявлениями о возбуждении дел (иными заявлениями, ходатайствами);
- при извещении участников судопроизводства;
- при собирании и исследовании доказательств;
- при проведении судебных заседаний в дистанционном формате;
- при фиксации хода процесса;
- при ведении делопроизводства;
- при обнародовании информации о процессе и т. д.

Применение ИКТ в каждой из перечисленных сфер имеет свои особенности. Например, обеспечение возможности обращения заинтересованных лиц в суды в электронной форме требует решения с помощью ИКТ как минимум двух задач: достоверной идентификации личности лица и обеспечения сохранности (целостности) передаваемой в суд информации. Для решения последней задачи возможно как использование электронной почты, так и (что представляется нам еще более надежным) организация специального сервиса на сайте суда в интернете (по примеру реализованной на сайтах практически всех государственных органов опции «подать обращение»). Что касается идентификации личности обращающихся в суды лиц, то здесь возможны подходы, реализованные в банковской сфере: потенциальный «потребитель» правосудия регистрируется в специальной системе единожды путем личной явки в суд и затем может неограниченное

число раз обращаться в любые суды в электронной форме, используя полученный при регистрации логин и пароль.

Применение для целей проведения судебных заседаний в дистанционном формате такой ИКТ, как видео-конференц-связь, тоже не менее специфично. Применение видео-конференц-связи не может и не должно получить широкого распространения в нашей стране в силу следующих причин: компактных территориальных размеров Республики Беларусь; трудностей, связанных с установлением личности (проверкой полномочий) тех участников процесса, с которыми осуществляется видео-конференц-связь, получением у них подписки относительно предупреждения об уголовной ответственности, оформлением некоторых из распорядительных волеизъявлений; ограниченных возможностей по исследованию доказательств (в частности, письменных, вещественных); некоторых сложностей организационного и иного плана (при использовании видео-конференц-связи количество задействованных помещений судов и судебных секретарей удваивается, возникает также необходимость в привлечении в процесс специалистов по эксплуатации соответствующих технических средств, сюда же присовокупляются расходы по содержанию в исправном состоянии систем видео-конференц-связи)¹⁶.

12. В зависимости от критерия сложности дела ИКТ возможно сгруппировать на применяемые по таким категориям дел:

- сложным делам;
- несложным делам.

С учетом этого здесь допустимо обозначить такую закономерность: чем проще дело, тем больше потенциал использования в ходе производства по нему ИКТ. Например, поскольку в приказном производстве и в гражданском, и в хозяйственном процессе разрешаются относительно несложные дела и к тому же без проведения судебного заседания, то в перспективе все коммуникации между судом и участниками приказного производства, в том числе связанные с обращением взыскателя в суд, могут быть в полном объеме переведены в электронный формат. Неслучайно поэтому в одном из экономических судов страны уже проводился эксперимент по формированию электронных дел по приказному производству, в рамках которого (эксперимента) между судом и конкретным субъектом хозяйствования заключалось соглашение об электронном обмене информацией с использованием электронной цифровой подписи¹⁷. Весьма характерно, что в Российской Федерации так называемое упрощенное производство в арбитражном процессе было практически полностью переведено на электронные «рельсы» [1, с. 69–74]. О многом говорит

и тот факт, что «модернизация информационной формы гражданского судопроизводства за рубежом предпринимается именно в связи с упрощенными процедурами» [1, с. 76].

13. Основанием классификации ИКТ может выступать и стадия процесса, на которой они применяются. Так, ИКТ могут быть дифференцированы на реализуемые в ходе следующих стадий (здесь стадии процесса выделены с учетом такой стоящей перед ними цели, как рассмотрение дела):

- возбуждения дела;
- подготовки дела к разбирательству;
- разбирательства дела по существу;
- вынесения по делу итогового постановления.

С теоретической точки зрения применение ИКТ в той или иной мере возможно на любой из названных стадий процесса, хотя в то же время для этого есть и свои пределы (ограничения), которые нельзя не учитывать. Например, на завершающей стадии ИКТ не могут использоваться для разрешения дела (никакой искусственный интеллект не способен заменить живого судью), но с их применением допустимо физическое изготовление текста решения (в настоящее время судебные постановления повсеместно изготавливаются с помощью компьютерной техники, а не пишутся от руки), направление текста судебного постановления заинтересованным лицам. Можно с уверенностью утверждать, что в ближайшей и даже отдаленной перспективе ИКТ не приобретут большого распространения на стадии возбуждения дела для целей электронной подачи заявлений в суды, причем такая форма обращения к правосудию и не должна вытеснять традиционную (письменную) форму, она может выступать лишь альтернативой последней для каких-то отдельных видов судопроизводства или категорий дел. Очевидно, основными сферами применения ИКТ будут оставаться стадия подготовки дела (извещение, вызов участников судопроизводства) и стадия разбирательства дела (фиксирование процесса, дистанционное проведение судебных заседаний и др.).

Выделение стадий процесса возможно и по цели разрешения дела:

- производство в суде первой инстанции;
- апелляционное производство;
- кассационное производство (только в хозяйственном процессе);
- надзорное производство;
- пересмотр судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам.

Здесь тоже можно констатировать допустимость применения ИКТ на каждой из перечисленных стадий. Но есть основания говорить и о более конкретных тенденциях. Поскольку суды апелляционной, кассационной и надзорной инстанций

¹⁶Более подробно об этом см.: Скобелев В. Видео-конференц-связь в гражданском процессе... С. 46–55.

¹⁷Внедрение технических новаций в судопроизводство... С. 11.

территориально удалены от «потребителей» правосудия, работа с доказательствами в судебных заседаниях ограничена или вообще не проводится, участие заинтересованных лиц в рассмотрении дел не является безусловно необходимым, то существуют все предпосылки для развития электронной составляющей именно на данных стадиях процесса, особенно в кассационном и надзорном производствах: предоставление возможности обращения в суды в электронной форме, использование электронных средств извещения, организация судебных заседаний в дистанционном формате, рассылка копий итоговых судебных постановлений в электронном виде.

14. Исходя из последствий нарушений, допущенных при использовании ИКТ, соответствующие технологии можно разделить на такие виды:

- ИКТ, неправильное использование которых повлечет отмены решения;
- ИКТ, ошибки в применении которых повлекут отмену решения.

Ошибки в применении ИКТ следует относить к процессуальным нарушениям, т. е. к ошибкам в применении норм процессуального права. Ошибка будет носить процессуальный характер даже тогда, когда сама ИКТ или порядок ее реализации нормами процессуального права не предусмотрены. Просто в этом случае нарушены будут не нормы, касающиеся ИКТ (так как их нет или практически нет, за исключением, быть может, нормы, указывающей на наименование определенной ИКТ), а нормы, закрепляющие те или иные процессуальные принципы, гарантии, права и обязанности суда и участников судопроизводства. Например, если суд вместо направления участнику процесса по почте надлежащим образом заверенной письменной копии решения отправит ему по электронной почте электронный документ в формате *.doc*, то нарушены здесь будут нормы, регулирующие традиционный порядок оформления и рассылки копий судебных постановлений.

Общие последствия процессуальных нарушений определены в ч. 3 ст. 424 ГПК, ч. 3 ст. 280, ч. 4 ст. 297 ХПК: нарушение или неправильное применение нормы процессуального права является основанием к отмене или изменению судебного постановления, если это привело или могло привести к неправильному разрешению дела (вопроса). Таким образом, существенность нарушений в применении ИКТ по общему правилу носит оценочный характер и определяется вышестоящей судебной инстанцией для каждого конкретного случая индивидуально. Наряду с этим процессуальное законодательство предусматривает безусловные основания к отмене судебных постановлений ввиду допущенных процессуальных нарушений. Одно из них напрямую связано с использованием ИКТ: «по делу отсутствует звуко- или видеозапись хода судебного заседания» (п. 8 ч. 4 ст. 424 ГПК, абзац 8 ч. 4 ст. 280, абзац 8 ч. 5

ст. 297 ХПК). При этом формулировка данного основания не вполне удачна и способна вызвать на практике немало затруднений.

Во-первых, не вполне понятны последствия отсутствия звуко- или видеозаписи хода отдельных процессуальных действий, осуществляемых вне судебного заседания, хотя такие действия согласно ч. 1 ст. 113 ГПК, ч. 1 ст. 189 ХПК тоже являются предметом обязательного фиксирования с помощью соответствующих технических средств. Во-вторых, возникает вопрос, как квалифицировать ситуацию, если в кратком протоколе судебного заседания указано на применение средств видеозаписи, а реально в материалах дела имеется только звукозапись процесса (и наоборот). В-третьих, не совсем понятно, что понимается под отсутствием звуко- или видеозаписи «по делу». Ведь в реальной жизни возможны самые различные ситуации: звуко- или видеозапись судебного заседания вообще не велась; запись была сделана, но впоследствии в полном объеме утрачена (при этом здесь может быть два варианта: утрачен носитель соответствующей записи или носитель имеется, но запись стерта или не воспроизводится); электронный носитель звуко- или видеозаписи отсутствует в материалах дела, но сама запись имеется в суде (на диктофоне, диске компьютера и т. п.); запись не сохранилась ни в материалах дела, ни на технических устройствах суда, однако ее точной копией, полученной в свое время в суде, обладает один из участников судопроизводства. В-четвертых, не меньшие сложности способно создать и толкование выражения «отсутствует звуко- или видеозапись». Можно ли говорить об отсутствии записи, если она неполная, например ход судебного заседания изначально записывался частично, или полная запись выборочно была стерта или местами пришла в негодность?

Полагаем, что ответы на данные вопросы еще предстоит дать судебной практике, а сама норма (п. 8 ч. 4 ст. 424 ГПК, абзац 8 ч. 4 ст. 280, абзац 8 ч. 5 ст. 297 ХПК) нуждается в определенном уточнении. Более того, по мере увеличения степени информатизации правосудия данную норму необходимо будет кардинальным образом изменить в направлении расширения ее логического объема. Выше мы уже отмечали, что в перспективе вся представленная в электронном виде информация, касающаяся судебного дела, должна на постоянной основе храниться в суде, а гарантией целостности и сохранности всей этой информации, помимо чисто технических средств, должна стать также важная правовая мера – признание отсутствия или утраты необходимой электронной процессуальной информации по делу в качестве безусловного основания к отмене вынесенного по нему судебного постановления.

К применению ИКТ в определенной мере имеет отношение и другое безусловное основание для отмены судебного постановления: дело рассмотрено

в отсутствие кого-либо из заинтересованных лиц, не извещенных надлежащим образом о времени и месте проведения судебного заседания (п. 2 ч. 4 ст. 424 ГПК, абзац 3 ч. 4 ст. 280, абзац 3 ч. 5 ст. 297 ХПК). Мы имеем в виду те ситуации, когда заинтересованные лица оказались не извещенными надлежащим образом о времени и месте проведения судебного заседания в результате применения для целей извещения ИКТ. Отсюда видно, какое большое значение имеет соблюдение надлежащего порядка применения ИКТ в отмеченных целях. При этом важнейшей составляющей такого надлежащего порядка, по нашему убеждению, является получение у участника судопроизводства предварительного согласия (в том числе путем заключения с ним соответствующего соглашения) о допустимости применения в отношении его ИКТ при направлении судебных извещений (вызовов)¹⁸, т. е. использование ИКТ только после того, когда лицо осознанно приняло на себя и под свою ответственность все риски, связанные с применением ИКТ (такие, как недоставка извещения, задержка в доставке, его искажение в ходе передачи и пр.). Если это согласие от участника судопроизводства получено не было, то его неявка в судебное заседание (несмотря на наличие у суда, казалось бы, убедительных доказательств того, что лицо посредством использования ИКТ было извещено) будет создавать основание для применения п. 2 ч. 4 ст. 424 ГПК, абзаца 3 ч. 4 ст. 280, абзаца 3 ч. 5 ст. 297 ХПК.

Следующее основание для безусловной отмены решения – «при вынесении решения были нарушены правила о тайне совещательной комнаты» (п. 5 ч. 4 ст. 424 ГПК)¹⁹ – на первый взгляд не имеет отношения к использованию ИКТ. Однако такой вывод является следствием традиционного (устаревшего) подхода к пониманию правил о тайне совещательной комнаты, что, собственно, и вполне объяснимо, поскольку данные правила сами по себе весьма архаичны. Эти правила закреплены в ст. 299 «Тайна совещательной комнаты» ГПК и предусматривают, что суд выносит решение по делу в совещательной комнате; во время принятия решения в совещательной комнате может находиться только судья (судьи), рассматривающий дело; присутствие иных лиц не допускается; по окончании рабочего времени, а также в течение рабочего времени допускается перерыв для отдыха с выходом из совещательной комнаты; разглашение суждений, имевших место в совещательной комнате, не допускается. Как видим, правила исходят из того, что во время нахождения в совещательной комнате судья способен контактировать с посторонними лицами лишь

в случае их физического присутствия там, а разглашение имевших место суждений может произойти только по выходе судьи из совещательной комнаты. Это однозначно устаревший подход. Современные ИКТ (мобильная телефонная связь, социальные мессенджеры, электронная почта и пр.) делают возможными контакты судьи с посторонними лицами и без физического присутствия последних в совещательной комнате, соответственно, и разглашение имевших место суждений может произойти еще до того, как судья совещательную комнату покинет. Сказанное свидетельствует о необходимости кардинальной модернизации правил о тайне совещательной комнаты. В частности, необходимо закрепить правило о том, что во время нахождения судьи в совещательной комнате ему запрещается осуществлять любые коммуникации и любым способом с кем бы то ни было. А до того, как закрепление предлагаемого нами правила произойдет, положения ст. 299 ГПК следует толковать именно в таком духе.

15. В завершение отметим еще несколько положений концептуального характера, которых следует придерживаться при внедрении в судопроизводство ИКТ:

- применение технологий должно базироваться на принципе «от закрепления в законодательстве – к использованию в практической деятельности», к сожалению, однако, в последние годы прослеживается тенденция обратного плана, в частности, так произошло с применением видео-конференц-связи для дистанционного проведения судебных заседаний в хозяйственном процессе²⁰, с использованием СМС-сообщений и иных ИКТ для извещения участников гражданских и экономических дел²¹;
- необходимо учитывать объективные потребности и реальные материально-технические возможности как судов, так и «потребителей» правосудия, например использование в хозяйственном, а затем и в гражданском процессе систем видео-конференц-связи при проведении судебных заседаний началось по совершенно надуманным основаниям (ведь никаких эпидемий вирусных заболеваний, наподобие COVID-19, на тот момент не было и в помине, равно как и проблем с территориальной доступностью правосудия – Республика Беларусь является весьма компактным государством с достаточно развитой «сетью» судов) и в отсутствие у судебных органов надлежащей материально-технической базы (охватывающей все суды системы защищенных каналов связи и пр.);
- внедрению технологий должны предшествовать соответствующие научные исследования в области

¹⁸Выше мы уже отмечали, что отечественная практика, к сожалению, идет по другому пути.

¹⁹Подобной нормы нет в ХПК, что, безусловно, является недостатком в правовом регулировании.

²⁰См.: Скобелев В. Видео-конференц-связь в гражданском процессе... С. 47–48.

²¹См.: Он же. Современные информационные технологии и способы извещения... С. 225–230, 233–236.

права, изучение опыта иностранных правопорядков, прогнозирование возможных результатов (в том числе отрицательных) применения в судопроизводстве новейших достижений научно-технического прогресса; причем к проведению всей этой работы в настоящее время непосредственно обязывают положения Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» (см. п. 1, 7 ст. 6, п. 3 ст. 38, п. 5 ст. 42 и др.);

- при разработке проектов нормативных правовых актов, предусматривающих использование в сфере правосудия ИКТ, нужно строго следовать требованиям нормотворческой техники, между

тем практически все недавние законы о внесении в ГПК и ХПК изменений (дополнений) по вопросам использования современных технологий страдают множеством нормотворческих ошибок²², достаточно привести такой пример: ч. 1 ст. 185-1 ГПК указывает на возможность участия путем использования систем видео-конференц-связи в подготовительном судебном заседании, однако подготовительного судебного заседания в гражданском процессе нет, оно есть только в хозяйственном процессе, т. е. содержание ч. 1 ст. 185-1 ГПК объясняется тем, что оно было просто бездумно скопировано из аналогичной нормы ч. 1 ст. 176-1 ХПК.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

- 1) потребность внедрения в цивилистический процесс ИКТ имеет объективные предпосылки, подчеркнута на уровне ряда правовых актов программного характера и разделяется представителями юриспруденции, особенно задействованными в правоприменительной сфере;

- 2) используемые в законодательстве и правовой доктрине термины «электронное правосудие», «электронное судопроизводство», «электронный суд» не могут пониматься в буквальном смысле, эти термины имеют образный (условный, переносный) характер и отражают факт применения в правосудии современных ИКТ для решения (облегчения решения) лишь отдельных, преимущественно обеспечительных, вспомогательных задач;

- 3) теоретическому осмыслению вопросов имплементации ИКТ в судопроизводство в значительной мере может способствовать классификация современных достижений научно-технического прогресса через призму процессуальных явлений (феноменов, категорий);

- 4) классификация возможна по различным критериям, а именно в зависимости от категорий субъектов, взаимодействие которых опосредовано ИКТ, объема правовой регламентации, способа взаимодействия ИКТ с процессуальной информацией, наличия у участников судопроизводства возможности оказывать влияние на применение ИКТ, магистральных направлений применения ИКТ в судопроизводстве, конкретной сферы (сегмента) судопроизводства, в которой используются ИКТ, сложности дела, стадии процесса, последствий нарушений, допущенных при применении ИКТ, и др.;

- 5) каждая классификация имеет большое практическое значение, поскольку позволяет выявить

закономерности (тенденции) имплементации ИКТ в судопроизводство и определить направления развития процессуального законодательства и (или) практики его применения. Так, классификация технологий в зависимости от категорий субъектов, взаимодействие которых опосредовано ИКТ, дает повод констатировать, что использование ИКТ во взаимодействии суд – участники судопроизводства должно обеспечиваться повышенными правовыми гарантиями;

- 6) в контексте внедрения ИКТ в судопроизводство необходимо внести ясность в вопрос о возможности суда по собственной инициативе получать для целей подтверждения фактов материально-правового характера сведения из различных государственных информационных ресурсов и банков данных; уточнить условия и пределы использования ИКТ для извещения (вызова) участников судопроизводства, дистанционного проведения судебных заседаний, фиксирования хода судебных заседаний и отдельных процессуальных действий, хранения в суде электронной процессуальной информации, обнародования процессуальной информации для публики; усовершенствовать регулирование и практику применения связанных с использованием ИКТ безусловных оснований к отмене судебных постановлений и пр.;

- 7) при имплементации в судопроизводство ИКТ следует придерживаться некоторых концептуальных положений, в частности, исходить из принципа «от закрепления в законодательстве – к использованию в практической деятельности», учитывать объективные потребности и реальные материально-технические возможности как судов, так и «потребителей» правосудия, обеспечивать предварительную научную проработку вопросов внедрения инноваций, строго соблюдать требования нормотворческой техники и др.

²²Более подробно об изъянах в правовом регулировании порядка звуко-, видеозаписи хода судебных процессов см.: Скобелев В. Что меняется в ГПК? 2020. № 9. С. 8–19; Он же. Что меняется в ГПК? // Юрид. мир. 2020. № 10. С. 8–20; Он же. Что меняется в ХПК? 2020. № 11. С. 10–23; Он же. Что меняется в ХПК? // Юрид. мир. 2020. № 12. С. 8–24.

Библиографические ссылки

1. Пономаренко ВА. *Электронное гражданское судопроизводство в России: штрихи концепции*. Москва: Проспект; 2015. 184 с.
2. Сучок Т. О совершенствовании правосудия и использовании преимуществ научно-технического прогресса. *Судовы веснік*. 2010;1:9–10.
3. Сукало В. Роль Верховного Суда в проведении судебно-правовых преобразований. *Судовы веснік*. 2013;2:3–5.
4. Сукало В. О задачах по повышению эффективности судебной деятельности и роли органов судейского сообщества в их решении. *Судовы веснік*. 2017;4:7–11.
5. Сукало В. Развитие системы судов общей юрисдикции в современных условиях: новые требования – новый уровень ответственности. *Судовы веснік*. 2019;2:7–11.
6. Забара А. Актуальные задачи в сфере гражданского правосудия. *Судовы веснік*. 2015;2:3–7.
7. Алексеев АА. Электронное судопроизводство в российском гражданском процессе. *Арбитражный и гражданский процесс*. 2016;2:12–16.
8. Приходько ЛВ. Зарубежный опыт внедрения и использования системы «Электронный суд» (e-court). *Государство и право*. 2007;9:82–86.
9. Решетняк ВИ. К вопросу об электронном правосудии в арбитражном и гражданском судопроизводстве. *Юрист*. 2011;9:33–37.
10. Чуча СЮ, редактор. *Электронное правосудие. Электронный документооборот: научно-практическое пособие*. Москва: Проспект; 2018. 240 с.
11. Андрощук ВВ, Швед ЕН. Понятие «электронное правосудие»: постановка проблемы. В: Коваленко ЕИ, редактор. *Информационные технологии и право: правовая информатизация – 2018: сборник материалов VI Международной научно-практической конференции; 17 мая 2018 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь; 2018. с. 360–364.
12. Здрок ОН. Перспективы использования ИТ в судопроизводстве по гражданским и экономическим делам. В: Мартыненко ИЭ, редактор. *Проблемы гражданского права и процесса: сборник научных статей. Выпуск 6*. Гродно: Гродненский государственный университет; 2021. с. 295–302.
13. Кизей АЮ. Электронное правосудие: перспективы развития. В: Бондаренко НЛ, редактор. *Третьи цивилистические чтения памяти профессора М. Г. Прониной*. Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь; 2021. с. 89–92.
14. Кирвель И.Ю. Электронное правосудие: понятие, сущность, перспективы. В: Мартыненко ИЭ, редактор. *Проблемы гражданского права и процесса*. Гродно: Гродненский государственный университет; 2010. с. 334–345.
15. Колядко И, Шершнева А. Некоторые аспекты обеспечения гласности гражданского судопроизводства. *Судовы веснік*. 2013;3:74–79.
16. Кудрицкая Т. Управленческий успех (о работе суда г. Орши и Оршанского района). *Судовы веснік*. 2009;4:7–9.
17. Костюкевич В. Меры по обеспечению экономичности правосудия в экономических судах. *Судовы веснік*. 2014;1:11–12.
18. Кулак С. Аудио- и видеозапись судебного заседания как элемент электронного судопроизводства и инструмент повышения открытости правосудия. *Судовы веснік*. 2019;2:20–23.
19. Ефремов А, Ковальчук А. О применении судами апелляционной инстанции норм УПК, регулирующих апелляционное производство. *Судовы веснік*. 2019;4:18–38.

References

1. Ponomarenko VA. *Elektronnoe grazhdanskoe sudoproizvodstvo v Rossii: shtrikhi kontseptsii* [Electronic civil litigation in Russia: strokes of the concept]. Moscow: Prospekt; 2015. 184 p. Russian.
2. Suchok T. [On the improvement of justice and the use of the advantages of scientific and technological progress]. *Sudovy vesnik*. 2010;1:9–10. Russian.
3. Sukalo V. [The role of the Supreme Court in carrying out judicial and legal reforms]. *Sudovy vesnik*. 2013;2:3–5. Russian.
4. Sukalo V. [On the tasks of improving the efficiency of judicial activity and the role of the judicial community in their decision]. *Sudovy vesnik*. 2017;4:7–11. Russian.
5. Sukalo V. [Development of the system of courts of general jurisdiction in modern conditions: new requirements – a new level of responsibility]. *Sudovy vesnik*. 2019;2:7–11. Russian.
6. Zabara A. [Actual tasks in the field of civil justice]. *Sudovy vesnik*. 2015;2:3–7. Russian.
7. Alekseev AA. Electronic legal proceedings in the Russian civil procedure. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess*. 2016;2:12–16. Russian.
8. Prikhodko LV. [Foreign experience in the implementation and use of the «Electronic court» system (e-court)]. *State and Law*. 2007;9:82–86. Russian.
9. Reshetnyak VI. [To the question of electronic justice in arbitration and civil proceedings]. *Yurist*. 2011;9:33–37. Russian.
10. Chucha SYu, editor. *Elektronnoe pravosudie. Elektronnyi dokumentooborot* [Electronic justice. Electronic document management]. Moscow: Prospekt; 2018. 240 p. Russian.
11. Androshchuk VV, Shved EN. [The concept of electronic justice: problem statement]. In: Kovalenko EI, editor. *Informatsionnye tekhnologii i pravo: pravovaya informatizatsiya – 2018: sbornik materialov VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 17 maya 2018 g.; Minsk, Belarus'* [Information technologies and law: legal informatisation – 2018: collection of materials of the 6th International scientific and practical conference; 2018 May 17; Minsk, Belarus]. Minsk: National Centre for Legal Information of the Republic of Belarus; 2018. p. 360–364. Russian.

12. Zdrok ON. [Prospects for the use of IT in legal proceedings in civil and economic cases]. In: Martynenko IE, editor. *Problemy grazhdanskogo prava i protsessy: sbornik nauchnykh statei. Vypusk 6* [Problems of civil law and process: a collection of scientific articles. Issue 6]. Grodno: Yanka Kupala State University of Grodno; 2021. p. 295–302. Russian.

13. Kizei AYu. [Electronic justice: development prospects]. In: Bondarenko NL, editor. *Tret'i tsivilisticheskie chteniya pamyati professora M. G. Proninoi* [3rd civil readings in memory of Professor M. G. Pronina]. Minsk: Academy of Management under the Aegis of the President of the Republic of Belarus; 2021. p. 89–92. Russian.

14. Kirvel' IYu. [Electronic justice: concept, essence, prospects]. In: Martynenko IE, editor. *Problemy grazhdanskogo prava i protsessy* [Problems of civil law and process]. Grodno: Yanka Kupala State University of Grodno; 2010. p. 334–345. Russian.

15. Kolyadko I, Shersneva A. [Some aspects of ensuring publicity of civil proceedings]. *Sudovy vesnik*. 2013;3:74–79. Russian.

16. Kudritskaya T. [Managerial success (on the work of the court of Orsha and the Orsha district)]. *Sudovy vesnik*. 2009;4:7–9. Russian.

17. Kostyukevich V. [Measures to ensure the economy of justice in economic courts]. *Sudovy vesnik*. 2014;1:11–12. Russian.

18. Kulak S. [Audio and video recording of a court session as an element of electronic legal proceedings and a tool to increase the openness of justice]. *Sudovy vesnik*. 2019;2:20–23. Russian.

19. Efremov A, Kovalchuk A. [On the application by the courts of appeal of the norms of the Criminal Procedure Code governing the appeal proceedings]. *Sudovy vesnik*. 2019;4:18–38. Russian.

Статья поступила в редколлегию 08.02.2022.
Received by editorial board 08.02.2022.